

Нестерова Татьяна Вячеславовна

"НОМО LUDENS" В НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению игровой коммуникации в различных ситуациях обиходного русскоязычного общения (обращения, приветствия, просьбы, отказа, похвалы, благодарности, извинения и др.). Автор понимает игровую коммуникацию как разновидность не прямой коммуникации, которая связана с реализацией прагмалингвистической категории косвенности. В статье описаны косвенные полиинтенциональные шуточные (юмористические) речевые акты как основные единицы игровой коммуникации, содержащие различные средства и приемы языковой игры. На сегодняшний день данные речевые акты не получили достаточного освещения применительно к обиходному общению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 126-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81; 316.77

Статья посвящена рассмотрению игровой коммуникации в различных ситуациях обиходного русскоязычного общения (обращения, приветствия, просьбы, отказа, похвалы, благодарности, извинения и др.). Автор понимает игровую коммуникацию как разновидность непрямого общения, которая связана с реализацией прагмалингвистической категории косвенности. В статье описаны косвенные полиинтенциональные шуточные (юмористические) речевые акты как основные единицы игровой коммуникации, содержащие различные средства и приемы языковой игры. На сегодняшний день данные речевые акты не получили достаточного освещения применительно к обиходному общению.

Ключевые слова и фразы: игра; игровая коммуникация; непрямо общение; «Homo Ludens»; обиходное общение; прагмалингвистическая категория косвенности; игра и языковая игра; средства и приемы языковой игры; косвенный шуточный (юмористический) речевой акт.

Нестерова Татьяна Вячеславовна, к. филол. н., доцент
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
TVNesterova@pushkin.institute

«НОМО ЛУДЕНС» В НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

Понятия «комическое», «юмор», «смеховая культура», «карнавализация» тесно связаны с теорией игр [1; 2; 3; 6; 19; 24]. Й. Хейзинга в своей работе «Homo Ludens» («Человек играющий») [24] рассматривает игру как условно-реальный вид деятельности, как универсальную категорию человеческого существования, раскрывает сущность этого феномена. По его мнению, вся человеческая культура возникает и развивается в процессе игры и в виде игры. Игра есть «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но, безусловно, обязательным правилам, с целью, заключающейся в нем самом; сопровождаемое чувствами и напряжения и радости, а также ощущением “инобытия” в сравнении с “обыденной жизнью”» [Там же, с. 45]. Проникая в сферу человеческого общения, игра создает особый вид обмена информацией между субъектами – игровую коммуникацию. По отношению к игре (в ее классическом понимании) игровая коммуникация трактуется как явление вторичное, как общение, происходящее во время игры [11; 14; 18]. «Игровой коммуникации свойственна несерьезность, развлекательная направленность, подразумевающая получение удовольствия от иного, искусственно сконструированного участниками и противопоставленного обыденности бытия, возможности жить по собственным правилам» [4, с. 250]; «человек играющий» в этом случае преследует цель – рассмешить, развеселить аудиторию и посмеяться, развлечься самому. В свою очередь, игровая коммуникация (языковая игра, различные речевые жанры (далее – РЖ) комического: анекдот, шутка, каламбур, бурлеск, велеризм, фрашка, эпиграмма, пародия, юмореска, карикатура, фельетон, черный юмор, сатирический рассказ/роман и др.) является разновидностью непрямого общения. Непрямо общение (далее – НК) – термин, введенный в Саратовской лингвистической школе (работы В. В. Дементьева [7; 8]) в начале 2000-х гг. Наиболее существенными для НК являются такие признаки как: 1) осложненная интерпретативная деятельность адресата (говорящий «говорит не то, что говорит»); 2) неконвенциональность; 3) ситуативная обусловленность; 4) креативность [7, с. 77].

Некоторые исследователи выделяют особый тип речевого акта – шуточный (юмористический) речевой акт (далее – шуточный РА), в котором присутствуют говорящий и слушающий и цель которого – не сообщить какую-то информацию, а развеселить, развлечь, рассмешить слушателя, доставить ему удовольствие, улучшить его эмоциональное состояние, развлечься самому (в том числе путем столкновения двух находящихся в оппозиции друг к другу культурных сценариев) [20; 28].

Шуточные РА относятся к единицам НК и представляют собой вербальные реализации прагмалингвистической категории косвенности [16], являясь контекстуально-ситуативными косвенными РА (далее – КСКРА) [17]. Надо отметить, что помимо основной цели (см. выше) шуточные РА могут преследовать и иные цели: подбодрить, утешить адресата, снять стресс, разрядить обстановку, вывести общение из зоны коммуникативного риска, предотвратить конфликтную ситуацию (гармоничная НК). Шуточные РА – своеобразные средства самопрезентации личности: если стратегическая цель при реализации этих единиц НК достигнута, есть запланированный перлокутивный эффект в виде положительной реакции адресата, говорящий испытывает чувство удовлетворения от своего коммуникативного поведения, у него появляется ощущение собственной значимости, его самооценка повышается, он включается в круг «своих», способен перейти из аутсайдеров в лидеры той или иной социальной группы. Эти единицы НК могут реализовывать и манипулятивные тактики.

В данной статье мы рассматриваем шуточные РА в обиходном русскоязычном общении (в ситуациях, описанных с точки зрения речевого этикета [23]). Нас интересуют шуточное обращение, шуточное приветствие, шуточное прощание, шуточная просьба, шуточная похвала, шуточный комплимент, шуточная благодарность, шуточный отказ, шуточное несогласие, шуточное извинение, шуточное поздравление, шуточное пожелание, шуточное приглашение, шуточное предложение, шуточный совет, шуточное сочувствие/утешение, шуточное соболезнование. В этом случае мы можем говорить о полиинтенциональных КСКРА, реализующих сразу две (и более) интенции: шутка + обращение, шутка + приветствие, шутка + прощание, шутка + просьба, шутка + похвала, шутка + благодарность и т.п. Знание контекста речевой ситуации обеспечивает понимание истинного смысла такого РА, коммуникативной установки говорящего.

Homo Ludens как личность, обладающая особым «лингвокреативным мышлением» [6, с. 24], создавая эти РА, использует различные средства и приемы языковой игры (далее – ЯИ).

Термин «языковая игра» был введен Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования» [5]. Существует множество определений этого понятия [5; 6; 19; 21]. Наиболее полным нам представляется следующее толкование данного термина: «ЯИ – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеведенческой/логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [21, с. 802]. По нашему мнению, ЯИ следует рассматривать в дихотомии «язык – речь» (неслучайно некоторые лингвисты пишут о языковой и речевой игре [6, с. 7-10]). «...ЯИ имеет двойную направленность: это языковое и собственно речевое явление, ибо для реализации ЯИ первостепенное значение имеет умение творчески нарушить (перестроить) усвоенные модели стандартного употребления языка» [22, с. 657-658].

Реализуя шуточные РА, *Homo Ludens* может использовать различные средства (фонетические, графические, словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические, стилистические) и приемы ЯИ (приемы «обманутого ожидания» и «речевой маски», гиперболизацию, намеренное искажение, пародирование какого-то явления, столкновение несоединимых предметов или черт, наложение фреймов и др.) [6; 13; 19; 28].

В речи ЯИ реализуется как на уровне РА, так и на уровне РЖ, дискурса (текста). Она представлена во всех ситуациях обиходного общения русских. Знание контекста речевой ситуации обеспечивает понимание истинного смысла шуточного РА, коммуникативной установки говорящего. Конечно, сделать подробный анализ всех шуточных РА в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями.

Языковое наполнение шуточных РА, реализующих названные выше интенции, может быть различным (при этом необходимо различать устную и письменную формы этих речевых реализаций): «*Людк, а Людк!*» (шуточное обращение к адресату по имени «Людмила»; цитата из кинофильма «Любовь и голуби» с имитацией интонации Раисы Захаровны, которую играет Людмила Гурченко); «*Здорово, я бык, а ты корова!*», «*Привет от старых тиблет!*» (шуточное приветствие или шуточный ответ на приветствие (преимущественно в детской речи): «бесмысленная», абсурдная рифма к ключевому слову в формуле приветствия; оксюморон); «*Пойдем похоячим?*» (шуточное предложение; окказиональный неологизм, синоним к слову «есть» («принимать пищу»), образованный от слова «хояк»); «*Пилите, Шура, пилите...*» (шуточное побуждение к действию; цитата из романа И. Ильфа, Е. Петрова «Золотой теленок» [10]) (при этом данный РА может быть адресован коммуникантам, чьи действия совсем не связаны с процессом «пиления»: мужу, который режет овощи для салата; сыну, который пишет сочинение; подруге, которая печатает текст, и т.п.); «*Друзице, с Новым гАдом!*» (шуточное поздравление; графические модификации облика слова: гОдом/гАдом (год Змеи)); «*С Бёздником!*» (шуточное поздравление; трансформация английского слова *birthday*); «*Желаю ураган веселья, цунами счастья и побед, землетрясение восхищения, пожар любви и град монет*» (шуточное пожелание; гиперболизация в сочетании с полисемией (метафоризацией)); «*Натюрлих, Маргарита Павловна!*» (шуточное согласие; цитата из кинофильма «Покровские ворота», немецко-русская «макароническая речь» Саввы Игнатьевича (в исполнении Виктора Борцова) (при этом адресат данного РА (жанщина) может иметь другое имя и отчество)); «*Хочешь чаю? – Нет, спасибо, я уже отчаялся*» (шуточный отказ; окказиональный неологизм: обыгрывание внутренней формы глагола «отчаяться» – «ложная этимология»); «*Ноги – от коренных зубов!*» (шуточный комплимент; гиперболизация), «*Споки ноки!*» (шуточное пожелание при прощании; фонетическая трансформация РА «Спокойной ночи»); «*С Днем Рождения, подруга! Желаю тебе сесть на диету: ...Восторженные взгляды на завтрак! Комплименты на обед! Ласки и поцелуи на ужин!*» (шуточное парадоксальное пожелание; прием обманутого ожидания: сочетание «неблагоприятных» для адресата поздравления РА с неожиданной благоприятной концовкой); «*Мы друзянто, корешанто, / Мы твои товарищенто! О! Е! / Обниманто, поздравлянто / С днито твоего рожденто! О! Е! / Жить сто лето съто пьяно, / Миллионно на кормано, / Здоровенто, быть всегданто, / На проблемо наплеванто!*» (здесь и далее во всех примерах из Интернета сохранена орфография и пунктуация источника – Н. Т.) [26] (шуточное «итальянское поздравление»; прием «речевой маски»: произношение слов на «иностранный манер» – пародирование лиц другой национальности) и т.п. Надо отметить, что в одной и той же ситуации можно наблюдать различные средства и приемы ЯИ, а также их комбинаторику. Так, шуточное обращение может содержать: 1) окказиональные прозвища, образованные на базе звукоподражаний и антропонимов («отантропонимические прозвища») («*Гугусик*» (от «гу-гу»), «*Бо*» (от «Борис»), «*Кока*» (от «Коля»), «*Котя*» (от «Котева»), «*Цокотухин*» (от Мухин)); 2) метафоры («*медвежонок*», «*эжик мой колючий*», «*кнопка*»); 3) фонетические трансформации лексем с обыгрыванием антропонима, например, гипокористики «*Вася*» («*Вась-сиясь!*» – «*Ваше сиятельство*» (устар.)); 4) цитацию с обыгрыванием антропонима, например, отчества «*Петрович*» («*Люблю тебя, Петра творенье!*»); 5) стилистически маркированные лексические единицы, не типичные для обиходной сферы (в адрес сына: «*Чадо мое милое!*» (нар.-поэтич., возвыш.), «*Ясновельможный пан!*» (почетно-почтительный эпитет польских панов и украинских гетманов), «*Прошу к столу!*») и мн. др.

Диапазон средств и приемов ЯИ, которые использует *Homo Ludens* в этих ситуациях, достаточно широк. Его речевые реализации могут подкрепляться и игровым поведением. Рассмотрим некоторые примеры.

В обиходном общении русских активно используются экспрессивные дериваты на базе английских заимствований (молодежный дискурс, «интеллигентские игры»). Так, например, реализуя шуточный косвенный отказ, говорящий может включить в свой РА окказиональные, индивидуально-авторские неологизмы, образованные с помощью суффикса *-инг*, продуктивного для английских заимствований (явление гибридизации):

«покуптинг», «подарринг», «колбасинг», «дуринг» и др. (по аналогии с «франчайзинг», «лизинг», «копирайтинг», «шопинг» и т.п.):

- На выставку сходить не хочешь?
- *Извини. У меня сегодня шопинг и покуптинг. Дома шаром покати* (запись устной речи).

Игровую коммуникацию мы часто наблюдаем в ситуации флирта. Например, шутивное предложение, которое одновременно реализует интенцию «включения контакта» («*Девушка, Вашей маме зять не нужен?*»), является маркером начала флирта.

В приведенном ниже примере молодой человек пытается флиртовать с женщиной и выбирает игровую форму реализации приглашения-предложения сходить с ним в ресторан («*Модный фотограф... ловко сложил из куска афиши журавлика и бросил его Соне на колени. Соня развернула обрывок. Аккуратным детским почерком, крупно: "София? Гавана? Пекин?"*»). В данном случае рогативы («*София? Гавана? Пекин?*») помимо своей основной интенции (запрос информации) выражают одновременно интенцию приглашения-предложения, являясь полиинтенциональными КСКРА. Такой тип поведения адресанта позволяет предположить, что он реализует психологическую роль ребенка (в описании реакции адресата (женщины) на почерк молодого человека также содержится сема «детский»: «...аккуратным детским почерком, крупно...»). Женщина принимает игру и отвечает мужчине шутивным косвенным отказом в письменной форме («*Соня размашисто начертила на куске афиши рядом с "София? Гавана? Пекин?": "Пхеньян"*»). Надо отметить, что адресат не сразу прочитывает истинное интенциональное содержание этого РА («*"Пхеньян"? Это где ж такой? Новый, что ли, открыли?*»). В итоге коммуникативное поведение женщины («*Соня молчала, посмеивалась*») позволяет мужчине правильно декодировать смысл написанного («*А-а... – догадался фотограф. – Это форма отказа?*»):

Модный фотограф, воспользовавшись моментом, ловко сложил из куска афиши журавлика и бросил его Соне на колени. Соня развернула обрывок. Аккуратным детским почерком, крупно: «София? Гавана? Пекин?».

Это он ее в ресторан приглашает. Надо же! Ему от силы тридцатник. На бальзаковских его потянуло! Мало ему юных субреток...

Нет уж, милый. И Соня размашисто начертила на куске афиши рядом с «София? Гавана? Пекин?»: «Пхеньян».

Фотограф долго изучал афишный огрызок, потом спросил шумным шепотом:

- «*Пхеньян?* Это где ж такой? Новый, что ли, открыли?

Соня молчала, посмеивалась.

- *А-а... – догадался фотограф. – Это форма отказа?* [12, с. 56].

В ситуации похвалы адресант может использовать различные косвенные шутивные РА, содержащие прецедентные тексты (в том числе и трансформированные):

- *Написала я тебе реферат. Три дня убила. Держи... (протягивает реферат).*
- *Сестренка, ты прелесть! Гигант мысли! Отец русской демократии!* (запись устной речи).

Конструкция «(Ты) Гигант мысли (и отец русской демократии)» (прецедентный текст из сатирического романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» [9]) является шутивной похвалой в адрес сообразительного собеседника (в данном случае – сестры) и одновременно косвенной благодарностью (полиинтенциональный РА).

Интенция шутивной благодарности может быть реализована с помощью:

1) употребления в обиходном стиле языковых средств других функциональных стилей. Например, говорящий может использовать прямой РА благодарности (перформатив) в сочетании с местоимением Вы («*Объявляю Вам благодарность*»), принятый в официальном этикете, а также обращение «сэр» (самостоятельное или присоединенное к фамилии учтивое обращение к мужчине, гражданину Англии, США или другой англоязычной страны). Данное обращение в адрес близкого знакомого, приятеля, родственника (как в приведенном ниже примере) в русскоязычной среде является шутивным или ироническим:

(мать – сыну, приготовившему ужин): – *Объявляю вам благодарность, сэр!* (запись устной речи);

2) трансформаций стереотипных этикетных РА (часто в сочетании с нарушением норм лексической сочетаемости). Например, РА «*Большое спасибо!*» трансформируется в «*Большое человеческое спасибо!*», а тот, в свою очередь, в «*Большое человеческое мерси!*». Употребляясь в современной обиходной речи, слово «*мерси*» приобретает фамильярно-шутивную коннотацию, а в сочетании с эпитетами «*большое*», «*человеческое*» рождает комический эффект, который может быть усилен за счет включения в данный РА жаргонного слова «*позитивчег*» (фонетическая трансформация слова «*позитивчик*» в так называемом «олбанском» языке (молодежный интернет-дискурс – чаты, комментарии к написанному): «*Большое человеческое мерси за позитивчег!*»).

По этой модели построен и такой шутивный РА благодарности как «*Огромное сенькью!*», где слово «*сенькью*» (англ. *thank you* – благодарю вас, спасибо вам) в русскоязычной (преимущественно молодежной) среде является шутивной или фамильярной формой благодарности (дружеское или семейное общение).

В обиходе возможны различные окказиональные, индивидуально-авторские трансформации РА «*Большое спасибо!*». Например:

- *Спасибо!*
- *Спасибо на хлеб не намажешь!*
- *Тогда большое тебе человеческое масло!* (запись устной речи).

РА «*Большое человеческое масло!*» возникает в результате обыгрывания высказывания «*Спасибо на хлеб не намажешь!*» («намазывать масло на хлеб» → «*Большое тебе человеческое масло!*»). «*Спасибо на хлеб не намажешь!*» представляет собой шутивный РА побуждения коммуниканта к действию в форме намека (намек на особую форму выражения благодарности – в виде спиртного или денег) (из серии: «*Из спасибо*

шубы не сошьешь!», «Спасибо в карман не положишь!», «Спасибом сыт не будешь», «Спасибо в стакан (в рюмку) не нальешь!»). Интенция благодарности может быть выражена и такими шутивными фонетическими трансформациями как: «Вот спасибок!», «Пасибки!», «Сипасиб!» («японское»; пародирование речи лиц другой национальности).

Косвенные шутивные РА активно используются и при реализации интенции извинения. Так, в приведенном ниже примере описана следующая ситуация: мужчина вынужден задержать женщину и ее ребенка в квартире своих друзей (ему нужно дождаться их прихода). Друзья поручили ему забрать из детского сада их сына по имени Петя, а он перепутал детей и забрал ребенка этой женщины, которого тоже зовут Петя. Женщина хочет уйти со своим сыном домой. Мужчина ее не отпускает, предлагая дождаться прихода своих друзей – родителей одного из мальчиков. Женщина рассержена. Мужчина пытается восстановить кооперацию в общении, используя шутивные тактики (вербальные и невербальные). Сначала он сообщает о возможных негативных последствиях для здоровья женщины, если она будет продолжать обижаться, – шутивное предостережение с обыгрыванием многозначного глагола «дуться»: 1. Наполняться воздухом; раздуваться; 2. на кого (что). Выразить своим внешним видом неудовольствие, обиду (разг.) [25] («У меня серьезные опасения, – неожиданно заявил Михаил, – по поводу вашего здоровья. <...> Дело в том, – пояснил Михаил, – что глубоководные рыбы, поднятые на поверхность, из-за разницы давления начинают раздуваться и лопаются. Говорю как специалист, я ихтиолог по профессии. А вы все дуетесь и дуетесь!»). Эти речевые реализации не имеют запланированного перлокутивного эффекта: женщина дает ироническую реакцию отторжения («Заметно, – процедила Ольга, – что большую часть жизни вы провели под водой») с последующим обвинением адресата – «Сами виноваты!». Затем мужчина предпринимает еще одну попытку примирения: реализует модель поведения провинившегося ребенка – встает в угол («стал лицом к стене»). При этом он использует ссылку на мнение детей, играя на материнских чувствах (манипулятивная тактика) («Что вы делаете? – Стою в углу. Оба Пети едины во мнении, что если долго стоять в углу, то мама простит. Один из Петь точно ваши, значит, его рекомендации можно доверять»). Данные речевые и поведенческие реализации говорящего (которые можно считать шутивным косвенным извинением) имеют положительный перлокутивный эффект – прощение («Ладно! – рассмеялась Ольга. – Выходите из угла! Садитесь»):

«От ужина, вина, чая, кофе Ольга отказалась. Накормила мальчиков, села на диван в большой комнате, выразительно и зло скрестив руки на груди. Михаил не оставлял попыток разговорить ее. Задавал вопросы по ходу фильма в телевизоре, о внешней и внутренней политике, о погоде, об искусстве, о кулинарии, о домашних животных. Ольга сидела скалой – суровой и безмолвной.

– У меня серьезные опасения, – неожиданно заявил Михаил, – по поводу вашего здоровья.

Ольга губ не разомкнула, но повернулась к нему и удивленно посмотрела.

– Дело в том, – пояснил Михаил, – что глубоководные рыбы, поднятые на поверхность, из-за разницы давления начинают раздуваться и лопаются. Говорю как специалист, я ихтиолог по профессии. А вы все дуетесь и дуетесь!

– Заметно, – процедила Ольга, – что большую часть жизни вы провели под водой.

– Точно! – обрадовался Михаил. – С рыбами я легко нахожу общий язык, даже с морскими гадами.

Но вы – он выразительно вытер лоб – меня до испарины довели.

– Сами виноваты!

– Признаю! Каюсь!

– Отпустите?

Михаил изобразил глубочайшее сожаление, развел руками. Вскочил со словами:

– Подождите, мне требуется совет! И ушел к детям.

Через несколько минут вернулся, оглядел комнату, отодвинул торшер и стал лицом к стене.

Ольга ждала, рассматривая его широкую спину. Он не двигался.

– Что вы делаете? – не выдержала она.

– Стою в углу. Оба Пети едины во мнении, что если долго стоять в углу, то мама простит. Один из Петь точно ваши, значит, его рекомендации можно доверять.

– Ладно! – рассмеялась Ольга. – Выходите из угла! Садитесь» [15].

В ситуации извинения, примирения возможно использование прецедентных текстов:

Жена: – Да как ты можешь так говорить! Ты соображаешь вообще?!

Муж: – Был неправ, вспыхнул, считаю свое предложение безобразной ошибкой, прошу дать возможность загладить свою вину. Искупить. Все (кланяется).

Жена (смеется): Дурачок... (запись устной речи).

В данном диалоге шутивное косвенное извинение мужа представляет собой цитату из речи министра-администратора, которого играет А. Миронов в фильме «Обыкновенное чудо». Ответная реплика жены может быть интерпретирована как шутивное косвенное прощение («дурачок» – ласково о том, кто ошибся, сделал что-нибудь не так (обычно о ребенке)).

В ситуации извинения нами зафиксирован пример, в котором отсутствуют шутивные РА, однако коммуникативное поведение адресанта извинения производит комический эффект. Вспомним кадры из кинофильма «Ширли-мырли» (режиссер Владимир Меньшов), где не совсем трезвая женщина (ее играет Инна Чурикова) просит прощения у своих племянников, повторяя каждый раз одну и ту же фразу, в которой меняется только обращение: «Прости меня, Васенька/Кешенька/Ромочка/Патрик, дуру грешную... Виновата я, ой как я виновата...». Невербальное поведение героини также стереотипно: она падает на колени, прижимает руки к груди и автоматически произносит данный текст (как выученную роль). Такое поведение адресанта

является формальным, нарушающим максимум искренности. Оно не типично для семейного общения, предполагающего в данной ситуации теплоту, искреннее раскаяние, глубокие чувства. Надо отметить, что в обыходе эти РА могут использоваться как шутивное извинение (в этом случае они представляют собой цитату из фильма «Ширли-мырли» с имитацией интонации Инны Чуриковой). Такие диалоги мы наблюдали в семейном и дружеском общении:

Диалог подруг:

– Ну, сколько можно ждать? Я уже замерзла!

– Прости меня, Леночка, дуру грешную... *Винувата я, ой как я винувата...* (запись устной речи).

Инициатор извинения желает создать максимально благоприятную атмосферу для достижения примирения, изменить настроение адресата в лучшую сторону, вызвать у него улыбку. С этой целью он может использовать различные открытки, которые содержат элементы юмора. Здесь большую роль играет визуальная составляющая открытки. Так, например, в шутивных косвенных извинениях присутствуют изображения сердца (символа любви) или руки с белым флагом (атрибут парламентаря) в сочетании с надписью «*Давай помиримся!*» (косвенный полиинтенциональный РА предложения-извинения).

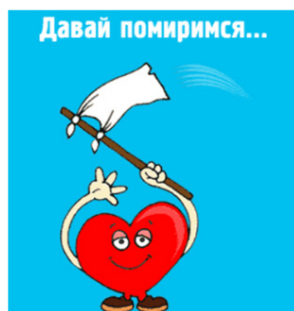

Рис. 1 [27]

Такого рода открытки могут использоваться в различных ситуациях обиходного общения.

Для игровой обиходной коммуникации типичны парадоксы, всякого рода антиномии, аномалии, семантическая диффузность и амбивалентность текстов, игровое взаимодействие фреймов (столкновение, наложение, деформация, интеграция) и сценариев (скриптов) [6; 13, с. 293; 19; 28, р. 99].

Конечно, рассмотреть все речевые реализации шутивных РА в обиходном общении в рамках одной статьи не представляется возможным. Мы ограничились анализом лишь некоторых примеров, продемонстрировав игровое взаимодействие коммуникантов.

В заключение отметим, что шутивные РА как единицы НК рассматриваются в работах многих лингвистов. Однако на сегодняшний день они не получили достаточного освещения применительно к обиходному общению. В связи с этим интересным представляется описание того, каким образом, с помощью каких средств и приемов реализуются интенции шутивного согласия, отказа, благодарности, похвалы, комплимента, утешения и т.п. Создание типологии шутивных РА в этих ситуациях имеет большое значение для описания подобных явлений в других сферах общения и типах дискурсов (в русскоязычной и межкультурной коммуникации). Результаты описания такого рода могут быть полезны в практике преподавания иностранных языков, русского языка (в том числе как иностранного (на высших этапах обучения)) и в переводческой деятельности.

Изучение национального характера через язык народа будет неполным, если не принимать во внимание игровое коммуникативное поведение. С этой точки зрения становятся актуальными исследования, посвященные межкультурному и лингводидактическому аспектам игровой НК.

Список источников

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд-е. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М.: Лист Нью; Центр общечеловеческих ценностей, 1997. 336 с.
3. Борботько В. Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 40-54.
4. Бочкарева Ю. Ю. Юмористический дискурс как сфера игровой коммуникации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 2 (24). С. 249-250.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 79-128.
6. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1996. 215 с.
7. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
8. Дементьев В. В. Основы теории непрямого общения: автореф. дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2001. 40 с.
9. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев [Электронный ресурс]. URL: http://librebook.ru/dvenadcat_stulev/vol1/2 (дата обращения: 25.03.2017).
10. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0140.shtml (дата обращения: 24.03.2017).
11. Красникова О. С. Формирование игровой коммуникации в технико-тактических действиях юных баскетболистов: дисс. ... к. пед. н. Сургут, 2005. 174 с.

12. Мареева М. Е. Зависть богов, или Последнее танго в Москве: роман. М.: АСТ; Олимп, 2001. 416 с.
13. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 281-308.
14. Морозов И. А. «Физиология» игры (к анализу метафоры «игра как живой организм») // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 42-59.
15. Нестерова Н. Театр двойников [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/137470-teatr-dvojnikov.html> (дата обращения: 24.03.2017).
16. Нестерова Т. В. Актуальные проблемы коммуникативной лингвистики (к уточнению понятий «коммуникативная категория», «категория непрямой коммуникации», «категория косвенности») // Русский язык за рубежом. 2016. № 1. С. 103-109.
17. Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскаяязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 156-162.
18. Радбиль Т. Б. Концепт игры в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 308-317.
19. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
20. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151-169.
21. Сквородников А. П. Языковая игра // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 796-803.
22. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.
23. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный и социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.
24. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 202 с.
25. <http://enc-dic.com/ozhegov/Dutsja-7900/> (дата обращения: 24.03.2017).
26. <http://www.greets.ru/vccard/87414/> (дата обращения: 11.01.2016).
27. https://yandex.ru/images/search?text=%C2%AB%D0%94%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BC%D1%81%D1%8F!%C2%BB%20%D0%BE%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D0%BA%D0%B8&noreask=1&img_url=http%3A%2F%2Fkartinki-vernizazh.ru%2F_ph%2F185%2F1%2F484630523.jpg&pos=7&rpt=simage&lr=213 (дата обращения: 28.03.2017).
28. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht – Boston – Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 1985. 380 p.

“HOMO LUDENS” IN INDIRECT COMMUNICATION

Nesterova Tat'yana Vyacheslavovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pushkin State Russian Language Institute
TVNesterova@pushkin.institute

The article is devoted to investigating game communication in the situations of Russian everyday communication (address, greeting, request, refusal, praise, gratitude, apology, etc.). Game communication is considered as a type of indirect communication which is associated with the realization of pragma-linguistic category of indirectness. The author describes indirect multi-intentional humorous speech acts as the basic units of game communication containing different means and techniques of language game. These speech acts are still insufficiently investigated in relation to everyday communication.

Key words and phrases: game; game communication; indirect communication; “Homo Ludens”; everyday communication; pragma-linguistic category of indirectness; game and language game; means and techniques of language game; indirect humorous speech act.

УДК 81-11

Статья раскрывает содержание понятия «нейрофизиологические паттерны», которое можно использовать в фоносемантических исследованиях в области психолингвистики и языкознания. Дается описание речевой деятельности, механизмов порождения речи и участия нейрофизиологических паттернов в образовании речевых высказываний. Рассматривается связь денотата и языкового знака. Приводится классификация нейрофизиологических паттернов на звуковые и кинематические. Автор акцентирует внимание на универсальности нейрофизиологических паттернов и влиянии интра- и экстралингвистических факторов на формирование речи.

Ключевые слова и фразы: нейрофизиологические паттерны; речевая деятельность; звукоизобразительное значение; кинемы; акустический и неакустический денотат.

Рудь Елена Евгеньевна
Южный университет (ИУБиП), г. Ростов-на-Дону
Kachina09@mail.ru

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ В ФОНОСЕМАНТИКЕ

В нашем современном информационном мире общение является ключевой составляющей успеха. Без него не развивается бизнес, не усваивается материал в школах, вузах, не ведется никакой просветительной